

83.3(2-РЧС)1-8

3-91

КР 1378515

На правах рукописи

ЗУБКОВ Николай Николаевич

**ПОЭЗИЯ К.Н. БАТЮШКОВА:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
И ЕЕ ПРИЖИЗНЕННЫЕ КНИЖНЫЕ
МАНИФЕСТАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва 1996

Диссертация выполнена самостоятельно.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор МИХАЙЛОВА Н.И.,

кандидат филологических наук,
доцент ПЕСКОВ А.М.

Ведущая организация – Российская академия театрального искусства.

Зашита состоится “.....” 199..... г. в часов
на заседании Диссертационного совета Д 053.01.15 в Московском
педагогическом государственном университете имени В.И. Ленина по
адресу: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ имени
В.И.Ленина по адресу: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «.....» 1996 года.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета

КАРАВАШКИН А.В.

Константин Николаевич Батюшков - одна из наиболее интересных фигур для современного российского литературоведения. Н.В.Фридман, В.А.Кошелев, В.Н.Топоров, И.М.Семенко, В.Э.Вацуро, А.Л.Зорин, О.А.Проскурин - вот далеко не полный перечень ученых, посвятивших за последние тридцать лет этому поэту обстоятельные исследования. В результате их работ решен целый ряд проблем исследования творчества Батюшкова и, вместе с тем, поставлены проблемы новые, существование которых и определяет актуальность предпринятого в диссертации исследования.

Задача диссертации - решение двух из этих актуальных проблем: во-первых, связь характеристики творчества Батюшкова с характеристикой его творческого пути; во-вторых, изучение роли книжных манифестаций поэтической системы Батюшкова в ее восприятии.

Новизна исследования определяется следующими факторами. Во-первых, творческий путь Батюшкова рассматривается подробно, шаг за шагом, чего ранее не делалось. Во-вторых, производится системный анализ поэтической тематики Батюшкова в разные периоды его творческой биографии (в связи с чем уточняется и сама периодизация). В-третьих, предлагается новая классификация жанров лирики Батюшкова на основе типов сюжета. В-четвертых, прижизненные издания (рукописное и печатное) стихотворений Батюшкова, а также планы изданий рассматриваются в связи друг с другом, анализируются те особенности книжной структуры, которые могли повлиять или повлияли на восприятие батюшковской поэзии.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования при создании общих и специальных курсов истории русской литературы первой четверти XIX в. вообще и Батюшкова в частности.

Апробация работы. Диссертация получила положительную оценку при обсуждении на кафедре русской литературы Московского педагогического государственного университета им. В.И.Ленина. Отдельные положения диссертации обсуждались на научных

Вологодская областная научная библиотека им. И.В. Бабушкина

Кр1378515

конференциях молодых ученых и специалистов ВГБИЛ, всесоюзной научной конференции: "Книга в России до середины XIX в." (Ленинград, 1990) и российско-французской конференции "Вольтер в России" (Москва, 1996).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

Содержание работы.

Во Введении кратко излагаются задачи и методы диссертации, а также, в связи с изучением книжных манифестаций лирики Батюшкова, даются некоторые теоретические суждения в связи с проблемой "смысл и книга"¹.

В Главе первой ("Новейшие исследования поэзии К.Н.Батюшкова (1965 – 1995)") прежде всего отмечается, что последние десятилетия в отечественном литературоведении были чрезвычайно плодотворны для изучения русской литературы "золотого века". "Батюшковедение" также именно в последние годы значительно продвинулось вперед. С другой стороны, историография жизни и творчества Батюшкова до 1971 г. была уже проанализирована в труде Н.В.Фридмана "Поэзия Батюшкова". Поэтому диссертация ограничивается историографическим анализом работ о Батюшкове последних трех десятилетий, прибавляя к ним некоторые важные работы конца 60-х гг., которые Н.В.Фридман либо вовсе не учел, либо упомянул лишь бегло.

Анализ ведется в тематическом порядке. Прежде всего рассматриваются наиболее общие концепции жизни и творчества Батюшкова, затем исследования его поэтики, некоторые работы о нем историко-литературного характера, и, наконец, появившиеся за последние годы работы и замечания о прижизненных собраниях стихотворений Батюшкова. Исключены из рассмотрения работы специально компаративистского плана; переводоведческие работы принимаются во внимание, если в их задачу входит и изучение поэтики Батюшкова в целом.

В итоге рассмотрения исследований поэтики Батюшкова за последние тридцать лет выделены следующие их основные результаты:

1. В области исследования поэтики:

1.1. Исследованы номенклатура тем поэтического мира Батюшкова и значение ряда из них (В.Н.Топоров, Н.В.Фридман, И.З.Серман, В.И.Коровин, О.Б.Лебедева), в том числе важнейших - тем мечты, времени, смерти. Обращено внимание на возможность нейтрализации фундаментальных оппозиций в поэтическом мире Батюшкова (В.Н.Топоров и, в ином аспекте, В.И.Коровин).

1.2. Уточнены и развиты высказывавшиеся прежде соображения о гедонизме Батюшкова (И.М.Семенко, С.Ю.Баранов, В.Э.Вацуро, О.А.Прокурик), его трагизме (В.Н.Топоров, О.Б.Лебедева и др.), об отношении Батюшкова к античности (И.М.Семенко, Ю.Н.Чумаков).

1.3. Начато исследование лирических жанров Батюшкова и прежде всего важнейшего из них - элегии. Указано на основной жанровый признак элегии - "смешанное чувство" (Л.С.Флейшман, В.Э.Вацуро), на необходимость при выделении жанра обращаться к данным авторских сборников (Л.С.Флейшман, М.Л.Гаспаров).

1.3.1. Предложен ряд классификаций жанровых разновидностей элегии - в частности, батюшковской (И.М.Семенко, В.Э.Вацуро и др.).

1.3.2. Обнаружена связь элегий Батюшкова с основными разновидностями этого жанра - "унылой" и "кладбищенской" элегией (В.Э.Вацуро); исследованы направления жанрового сдвига, осуществленного Батюшковым по отношению к Жуковскому (О.А.Прокурик).

1.4. Упрочилось представление о формульном характере поэтики Батюшкова. Систематизированы формулы, относящиеся к основным темам его поэзии (Н.В.Фридман), и тем заложены основы для анализа поэтической системы Батюшкова в целом.

1.5. Уточнено историко-литературное значение ряда произведений Батюшкова (Ю.В.Манин, О.Б.Лебедева, В.Э.Вацуро); появилось много ценных анализов отдельных текстов.

2. В области изучения творческой биографии:

¹ Подробно см.: Зубков Н.Н. Смысл и книга // Новое литературное обозрение. - #19. - 1996. - с. 48-61.

2.1. Поставлен вопрос о характере творческого пути поэта и продемонстрированы первые попытки его разрешения; предпринят опыт уточнения принятой периодизации его творчества; показано, что "кризисность" была постоянной чертой его поэтического сознания Батюшкова (В.А.Кошелев).

2.2. Выдвинута и обоснована мысль о двойственности поэтической позиции Батюшкова (И.М.Семенко; другая концепция принадлежит В.А.Кошелеву).

2.3. Подробно изучены и переосмыслены отдельные ключевые этапы литературной и поэтической биографии Батюшкова (О.А.Прокурина, А.Л.Зорин); последним, в частности, показана неслучайность религиозного обращения поэта в 1815 г.

2.4. Общая констатация кризиса в творчестве Батюшкова превратилась в рабочий инструмент исследования его поэтики (Н.В.Фридман).

3. В области изучения книжной истории поэзии Батюшкова:

3.1. Продолжено изучение истории создания "Опытов в стихах и прозе" (И.М.Семенко). Выдвинуты гипотезы, касающиеся композиции этой книги в целом (И.М.Семенко, В.А.Сайтанов) и в деталях (И.Л.Альми).

3.2. Начато изучение издательских планов Батюшкова (В.А.Кошелев).

Вместе с тем, ряд принципиальных положений этих авторов (прежде всего, Н.В.Фридмана, В.А.Кошелева и В.А.Сайтанова) в диссертации подвергается критике.

В Главе второй ("Поэтическая работа Батюшкова и становление его поэтической системы") предпринимается попытка рассмотреть эволюцию поэзии Батюшкова последовательно (год за годом) и, вместе с тем, системно, не предрешая вопросов периодизации его творчества. Канвой всего "сюжета" поэтической биографии Батюшкова представляется выбор темы для большой работы.

Прежде всего интерпретируется жанровая ("легкое стихотворство") и тематическая система ранней (до 1807 г.) поэзии Батюшкова. Обращается внимание на то, что Батюшков-литератор воспитывался в Петербурге - центре старой поэтической школы, где сохраняли всю силу сложившиеся в XVIII в. критерии оценки

литераторов: требование непременно создать *крупное* произведение, чтобы занять высокое место в литературной иерархии. С другой стороны, "легкий" род, хотя и не мог стать главным делом поэта, был вполне приемлем для поэтического дебюта, и обращение к нему само по себе не заключало никакого вызова. Литературная ситуация, сложившаяся в Москве, где литературный дилетантизм уже в 1800-е г. начал получать некоторые права, на Батюшкова до 1810 г. непосредственного влияния не оказывала. Делается вывод: если бы дилетантизм Батюшкова действительно было принципиальным, то либо поэт в восемнадцать лет обладал редкостной способностью противостоять непосредственным влияниям окружающих, либо сознательно обрекал себя на роль аутсайдера в своем литературном окружении. Учитывая, что в 1807 г. Батюшков уже берется за перевод "Освобожденного Иерусалима" Тассо, представляется вероятным, что, напротив, "легкое стихотворство" мыслилось им как дело *временное*, дававшее право приступить впоследствии к серьезной работе.

Перевод поэмы Тассо рассматривается как ключ к поэтической работе Батюшкова 1807 (реально 1808)-1809 г. Предполагается, что именно эта работа поставила перед ним две первостепенные профессиональные поэтические задачи: овладеть *изобразительным мастерством* оригинала и достичь *эвфонического совершенства*, необходимого при переводе с итальянского. Вместе с тем, в 1808-1809 г. Батюшков (вероятно, неосознанно) начал опробовать основные *сюжетные схемы* своей лирики.

Относительно первого решительного поворота батюшковской литературной ориентации осенью и зимой 1809-10 г., связанного с написанием и успехом "Видения на берегах Леты", а также с первой поездкой в Москву, обращается внимание на ряд оставшихся прежде в тени обстоятельств.

1. Узнав, что авторство "Видения ..." стало известно в Петербурге, поэт немедленно предпринял его рукописную публикацию (это понятие раскрывается в гл. 3), что означает *высокую литературную самооценку*: отклонившись от намеченного в юности пути, Батюшков впервые создал произведение, которое сам счел профессионально зрелым.

2. Отношение к прежнему главному труду изменилось резко и навсегда. До "Видения ..." в письмах поэта нет ни намека на охлаждение к переводу Тассо - получив же известие о триумфе в оленинском кружке, он сразу пишет Гнедичу о своей прежней работе с нескрываемым раздражением (письмо от 23 ноября 1809 г.). Затем Батюшков какое-то время рассчитывает на этот перевод, чтобы получить место в дипломатической миссии (постоянная тема в его переписке весны 1810 г.) и даже начинает перекладывать в стихи II песнь поэмы, но вскоре оставляет работу над ней и наконец, в декабре 1810 г., решительно заявляет о намерении свой перевод "скечь".

3. Занявшись сатирическим, а потом "легким" родом поэзии, Батюшков постоянно пытается создать *chef d'oeuvre* и в этих родах. По завершении "Видения" он сообщает о намерении писать русскую "Дундиаду", а потом поэму "Распра нового языка со стрым". Работа над лирическими "безделками" также постоянно сочеталась со стремлением создать в "легком" роде крупное произведение (по аналогии с "Душенькой" Богдановича или поэмами Грессе). Так, летом 1810 г. поэт работал над переложением "Песни Песней" (задуманном как эклога), а после Рождества 1811 г. был начат перевод "Неистового Роланда" Ариосто и, примерно одновременно с ним - послание "Мои Пенаты": крупное (336 строк) произведение, синтезирующее основные темы поэзии "московского" (название условное) периода. Оно и стало подлинным *chef-d'oeuvre* эротической поэзии Батюшкова.

Рассматриваются поэтические системы периодов 1808-1809 и 1810-1812 г. Рассмотрение проводится на уровне поэтических тем и на жанровом уровне, причем жанрообразующим признаком в лирике Батюшкова полагаются разновидности *сюжета*. Что касается тематики, то изучению подлежит не номенклатура поэтических тем (давно составленная), а функциональные соотношения.

До 1810 г. мелкие стихотворения Батюшкова были ориентированы прежде всего на комплекс горацианских мотивов, но ценность горацианскому единению (начиная с самых ранних опытов) дает лишь *воображение* или *мечта*. Выражая, в то же время, *подвижность мысли*, мечта становится *медиатором* поэтического мира,

объединяющим покой и движение. Поскольку способность к медиации эмоционально-ценостных полюсов поэтического мира есть для поэзии начала XIX в. характерное свойство элегии, субстанция которой определялась восходящим к М.Мендельсону термином "смешанное чувство", поэтическая система с самого начала приобретает черты элегической.

Анализируется самое крупное лирическое стихотворение Батюшкова 1809 г.: "Воспоминания 1807 года". В нем усматривается именно та сюжетная схема, что стала самой распространенной в системе его элегий и вообще в системе элегического жанра 1810-х гг.: *утрата первоначального блаженства – скорбь об утрате – надежда на обретение утраченного блаженства* (или на переход в новое блаженное состояние). Поскольку эта схема соответствует основной модели времени в поэтике русского романтизма (Е.Фарино), в диссертации она называется "классической", а жанровая разновидность, которую она определяет, – классической элегией. Анализ "Воспоминаний ..." приводит к выводу, что поэтическая проблема этой элегии – *преодоление времени*, которая разрешается в ней двояко: либо возвращением к мирной (горацианской) жизни, либо при посредстве мечты (памяти). Другие стихотворения 1809 г. ставят ту же проблему, но представляют лишь один из этих двух вариантов решения. Обращается внимание на несохранившийся перевод оды Э.Ш.Лебрена "На старость", в оригинале которой мотив преодоления времени выражен предельно ясно. Делается общий вывод о том, что именно в 1809 г. в поэзии Батюшкова возникает тема времени, связанного "не столько с развертыванием неких глубинных смыслов ("историческое" время), сколько со слепым роком" (В.Н.Топоров).

Устанавливается, что в 1810 г. в лирике Батюшкова тесно связанными между собой оказались противоположные друг другу жанры элегии и идиллии. За точку отсчета при изучении жанровой системы "московского" периода принимаются идиллии – жанр, изображающий *несмешанное* чувство неомраченного наслаждения (в тексте идиллии не существует никаких внутренних границ, то есть сюжет – нулевой). К идиллиям отнесены "Мадагаскарская песня", "Вакханка", "Ложный страх" и "Радость". Показывается, особая

напряженность блаженства в батюшковской идиллии, чреватая его разрушением. Разрушение же блаженства и есть тема элегии вообще, причем иногда (в классической элегии) акцент ставится на утрате, иногда же, напротив, на обретении, которому лишь грозит утрата. Мысль об этой грядущей утрате и создает "смешанное чувство", которое здесь не анализируется через посредство воспоминания, а берется в самый момент возникновения. Получается антиклассическая элегия ("Источник", "Веселый час") с сюжетной схемой: обретение блаженства - угроза утраты - возвращение к блаженству. Вместе с идиллией она у Батюшкова "московской" поры образует неразрывную пару, центральную для его жанровой системы.

Рассматривается также отношение горацианских стихотворений 1809 г. к новой системе (примыкают к идиллиям; с ними сближаются отрывок "Элизий" и переводы из Тибулла), другие вариации схемы антиклассической элегии ("Привидение", "К Петину") и реализация ее в синтезе с другими жанрами ("Счастливец", "Любовь в членокс"). Наконец, послание "Мои пенаты" трактуется как произведение, осуществившее жанрово-тематический синтез поэзии "московского" периода: идиллическая тематика в "Пенатах" представлена практически полно, но по сюжету послание может пониматься не только как идиллия, но и как своеобразная разновидность элегии.

Делается вывод, что элегии и стихотворения, так или иначе связанные с элегическим жанром, составляют количественно большую часть батюшковской лирики "московского" периода, но это антиклассические элегии, элегичность которых видна лишь на фоне классических, которые как раз отходят на далекую периферию. Лирическая система, напротив того, развертывается из начала идиллического. Отсюда репутация Батюшкова как "певца лени и сладострастия".

Поэтический "простой" Батюшкова в 1812 - начале 1814 г. связывается, среди прочего, с тем, что попытки создать крупное произведение в "легком роде" показались поэту бесперспективными, а новый путь для этого был не найден. После же заграничного похода и в связи с тяжелыми перипетиями личной жизни перед

Батюшковым встала новая задача: осмыслить собственную биографию как поэтическую тему. Для такой темы, в отличие от тем ранней лирики, готовой стилистики на русском языке еще не существовало; образец ее Батюшков ищет у Петрарки. Размышления над смыслом своей "одиссеи" сочетаются с "усилением сомнений в собственном даровании" (А.Л.Зорин), доходящим до отношения к чистой лирике как к "ребячеству" (письмо к П.А.Вяземскому от 1 августа 1815 г.), от которого автор, однако, не может отказаться.

Делается попытка показать, что именно новая поэтическая задача и именно в это время заставила Батюшкова относиться к своей лирике как к дневнику ("журналу" - "Вот список мой стихов ..."). Опыт осмыслиения своей биографии в более крупном произведении - сказка "Странствователь и домосед" и "Элегия" ("Я чувствую, мой дар ..."). "Элегия" стала тематической основой лирических миниатюр "каменецкого цикла" осени 1815 г. Обращается внимание на то, что в этих миниатюрах Батюшков начал в русской поэзии процесс сокращения размеров элегий, приведший, в конце концов, к рождению *малого лирического стихотворения* - основной формы существования лирики в наше время (используя словоупотребление А.И.Галича, принятое затем Л.С.Флейшманом, этот процесс в диссертации назван "эпиграмматизацией"). Делается предположение, что для Батюшкова эти миниатюры были не просто побочным продуктом поэтической деятельности, а именно *опытами* на пути к некоему, пока еще смутно задуманному, крупному произведению. Говорится о связи "исторических" элегий как с задачей создания крупного произведения, так и с проблемой поэтического осмыслиения собственной судьбы.

Рассматриваются новые замыслы поэм, которые Батюшков пытался осуществить, начиная с 1816 г. Делается предположение, что замыслов таких было несколько и они сталкивались друг с другом. Опровергается мнение В.А.Кошелева, отрицающего существование самостоятельного замысла поэмы "Бова Королевич". Предлагаются две примерно равновероятные трактовки соотношения замыслов поэм "Рурик" и "Русалка": либо обе они должны были быть поэмами-сказками "ариостовского" типа на условном древнерусс-

ком материале (не исключено, что это вообще один и тот же замысел), либо "Рурик" - замысел большой национальной эпопеи "нового слога". В связи со сказанным уточняется датировка так называемого "Плана северной поэмы-сказки" (не 1809, а либо 1810-1811, либо 1816 г.) и обращается внимание на обязательность древнерусского колорита для русской поэмы от "Россияды" до "Руслана и Людмилы" включительно. Исследуется замысел работы, обсуждавшийся Батюшковым перед отъездом в Италию: лирической ("байронической" или, что скорее, "шатобриановской") поэмы, выражавшей личный опыт поэта. Такое "исповедальное" произведение, связываясь с "безделками" 1814-1816 г., завершало бы их, придавало бы цельность, переводило бы из ранга безделок в ранг подготовительных опытов (так же, как "Мои Пенаты" завершали круг эпикурейской лирики).

Анализируется поэтическая система Батюшкова после 1812 г. Она характеризуется прежде всего напряжением между крупными (сказка, исторические элегии, отрывок из "Мессинской невесты", замыслы поэмы) и мелкими ("эпиграмматизированные" элегии, а в конце пути - прямо антологические эпиграммы) произведениями, средние же по объему сочинения в поздние годы у Батюшкова редки. Другая линия поэтического напряжения - противопоставление стихотворений "дневниковых" и "исторических".

Изучается разработка темы "одиссеи" в произведениях зимы 1814/1815 г. Указывается, что она конкретизируется с помощью двух формул: "странствователь и домосед" и "заблуждения сердца и ума". В связи с этим предлагаются некоторые поправки к интерпретации сказки Батюшкова.

Показывается дополнительность замыслов "Странствователя ..." и большой "Элегии" 1815 г.: первый - ироническая "Одиссея", вторая - сентиментальная. Сюжет классической элегии (аналогично "Воспоминаниям 1807 г.") становится в "Элегии" самой плодотворной моделью для осмыслиения биографии, но он синтезируется в них с относительно новым для Батюшкова сюжетом унылой элегии (схема элегического сюжета из двух функций: утраты и скорби). Показывается, что на сюжетном уровне именно эти две схемы, а на лексическом - формулы и мотивы большой

"Элегии" определяют характер лирики Батюшкова 1815 - 16 г., которая, будучи ориентирована на "Элегию" как на центр, образует, таким образом, связное целое.

Относительно так называемых "исторических" элегий обращается внимание на то, что в них темы биографические превращаются в максимально обобщенные: "юность и зрелость поэта", "смерть поэта". Однако в число этих тем не входит основная тема "каменецких элегий" - "любовь поэта" (в "Умирающем Тассе" она - важная, но не основная). Таким образом, их тематика так и не оформилась в произведении хотя бы относительно крупном: тематическое напряжение послевоенной лирики осталось до конца не разрешенным.

Рассматривается связь "каменецких" элегий с большой "Элегией" и между собой, роль темы мечты и ее соотношение с функциями элегического сюжета. Мечта в этих элегиях, как и в ранней лирике, играет роль лирического медиатора, но "мощь" его существенно меньше: равновесие блаженства и скорби так и не восстанавливается. В тех же элегиях, где место мечты занимает вера (пийтистская), блаженная вечность представляется несомненно достижимой.

Разнообразное и, в общем, связное и последовательное варьирование сюжетной схемы классической элегии говорит о том, что это - действительно центр поэтической системы послевоенного Батюшкова. Но как в ранней лирике постоянно просвещивающим фоном идиллии была элегия (прежде всего, антиклассическая - идиллия с будущей утратой), так же фон классической элегии в лирике поздней - унылая элегия (классическая с отнятой надеждой). Анализ концовки "Умирающего Тасса" приводит к выводу, что появление в 1817 г. этой элегии внесло дисбаланс в систему батюшковской лирики, дав унылой элегии перевес над классической.

Отмечаются черты поворота в лирике Батюшкова после "каменецкого периода" в узком смысле (т. е. начиная с 1816 г.): частичное переосмыслением старых тем и сюжетных схем. Уже в одном из "каменецких" стихотворений ("Таврида") основная часть стихотворения представляет собой идиллию; в "Тавриде" возвра-

щается и чувственность, из других каменецких элегий начисто изгнанная. В "Выздорвлении" (традиционная датировка которого в диссертации решительно отвергается в пользу 1816-1817 г.) синтез "идеальной" любви с чувственной становится явным и драматически напряженным. Наконец, летом 1817 г. пишется "Беседка муз" - возвращение к горацианству. Для оценки возможностей дальнейшего пути поэта следовало бы знать (что невозможно), насколько принципиальной для него была работа над переводами греческой антологии, относящаяся, очевидно, к последним месяцам перед отъездом в Италию. С другой стороны, в последних известных нам произведениях поэта обнажается скрытая прежде трагедийность. Но все они - лишь наброски, свести которые в целостную систему крайне сложно.

Таким образом, если система довоенной лирики Батюшкова имела известную внутреннюю уравновешенность и завершенность, а к тому же и внешне была завершена крупным итоговым произведением ("Мои Пенаты"), то с поздней лирикой этого не случилось: к моменту исчезновения Батюшкова из активной литературной жизни система его лирики находилась в неустойчиво-динамическом состоянии.

Материал и анализы диссертации дают возможность уточнить периодизацию поэтической биографии Батюшкова следующим образом:

1. До 1807 г.: оформление основных тем поэтического мира; пробы сил в разных жанрах; начало работы над *opus magis* ("Освобожденный Иерусалим").

2. 1808 - 1809 г.: обучение технике стиха в связи с работой над переводом Тассо; оформление тематического материала в элегической сюжетной схеме ("Воспоминания 1807 г."); выдвижение проблемы преодоления времени в центр поэтической системы.

3. 1810 - лето 1812 г.: резкий перелом поэтического сознания: признание совершенствования в "легком роде" достойной целью поэтической работы; складывание жанровой системы основанной на противопоставлении идиллии (выражающей момент напряженного неомраченного блаженства) и "антиклассической" элегии

(выражающей мысль о неизбежности утрат), а также системы идиллических формул.

4. Осень 1812 - середина 1814 г.: нравственное переосмысление "легкой поэзии", доходящее до полного отречения от нее ("К Дашкову") и затяжная поэтическая пауза.

5. Середина 1814 - 1817 г.: осмысление собственной судьбы становится основной темой поэзии. Поиск жанра для выражения этой темы (опыт автобиографической сказки) и становление жанровой системы, основанной на противопоставлении "классической" элегии (надежда на новое блаженство) и "унылой" элегии (разочарование и отчаяние); в связи с этим - создание новой тематической и стилистической ("петраркистской системы"). Вера как выход из мировоззренческих и поэтических тупиков. Жажда большой работы, замыслы поэм.

6. Последний период поэтической биографии Батюшкова по-прежнему с трудом поддается описанию, хотя, как можно заметить, основные тенденции послевоенного времени продолжают развиваться вплоть до самого трагического обрыва в 1821-1822 г.

Не подтверждается мнение В.А.Кошелева о сознательном характере дилетантизма Батюшкова и его перехода к чистой лирике. Более того, представляется вполне вероятным, что неспособность осуществить крупный замысел была одним из обстоятельств, сыгравших роковую роль в судьбе поэта.

В Главе третьей ("Поэтическая система Батюшкова в книге (замыслы и осуществленные издания)") рассматривается история опубликованных или предназначенных автором к опубликованию сочинений стихотворений Батюшкова - как печатных, так и рукописных. Предварительно обращается внимание на то, что процедура распространения списков "Видения на берегах Леты", предпринятая Батюшковым, совпадает с процедурой публикации, принятой в дагутенберговы времена.

Анализируются следующие публикации и их замыслы:

1. "Расписание моим сочинениям" (лето - осень 1810 г.). Входит в записную книжку "Разные замечания"; по положению в книжке и некоторым другим косвенным данным может быть датирована, скорее всего, сентябрем или октябрем. Невозможно устано-

вить, связано "Расписание ..." с каким-то определенным издательским замыслом (такой замысел существовал весной того же года) или представляет собой просто реестр "для себя". В любом случае оно упорядочено и может быть интерпретировано как план книги, хотя бы лишь воображаемой.

Отмечается, что в "Расписание ..." не включены ранние опыты и включены не все произведения 1809 г. Уточняется отмеченное еще Л.С.Флейшманом авторское деление списка на разделы: вначале крупные вещи, далее легкая поэзия (под рубрикой "Анакреон"), мелкие медитативные стихотворения, басни, отдельно выделенные переводы из Петрарки, "Смесь" (эпиграммы, эпитафии, надписи). Делается предположение, что завершают список произведения, не оконченные к моменту его составления (но имеется неясность со стихотворением "Русский витязь", т.е., по всем разумным данным, "Истинный патриот", уже напечатанным летом 1810 г.).

Анализируется также (с учетом жанровых дефиниций и анализов, предложенных во второй главе диссертации) расположение стихотворений внутри разделов. Делается вывод о его тщательной продуманности. В частности, обращается внимание на ключевое положение "Мечты" и соответствие построения раздела "Анакреон" жанровой системе батюшковской лирики "московского периода": постепенный переход от чистой идиллии к полной противоположности этому жанру, сатире. Показывается, что в общем итоге "Расписание моим сочинениям" утверждает горацианскую "маленькую философию", но утверждение это возникает лишь в итоге постоянных колебаний; более того - читателю все время подсказываетя мысль, что горацианское блаженство в мире - *нереально*, есть плод мечты. Таким образом, *идиллическая* в основе своей система *интерпретируется элегически*. Но поскольку ни печатный, ни рукописный сборник по плану "Расписаний ..." составлен не был, а к 1812 г. центр тяжести всей батюшковской поэтической системы еще более явно сместился в сторону идиллии, в критике утверждалась менее глубокая трактовка его поэзии.

2. Рукописное издание стихотворений 1812 г. (весна, не позже начала мая).

Анализируются списки, на основании которых реконструируется издание: "Тургеневская тетрадь", тетрадь из собрания Я.К.Грота (неточно именуемая В.А.Кошельевым "Первой Блудовской"), утраченная "Афанасьевская тетрадь" и учтенная в издании под ред. Д.Д.Благого "Ефремовская тетрадь" (возможно, та же, что и "Гротовская"). Делается вывод, что Батюшковым было составлено и распространено достаточно значительное число выверенных и авторизованных копий с единого протографа, вследствие чего вполне можно говорить о рукописном издании стихотворений Батюшкова 1812 г. Указывается на некоторых лиц, достоверно владевших экземплярами издания: А.И.Тургенев, Д.Н.Блудов (его список - настоящую "Первую Блудовскую тетрадь" - по неустановимым теперь причинам сам Батюшков считал наиболее авторитетным, но едва ли он сохранился), Вяземский (письмо к нему служит основанием датировки), Гнедич. Идея издания связывается с вхождением Батюшкова в определенную литературную партию (заявлявшаяся дружба с Блудовым, Тургеневым, Д.В.Дашковым).

Анализируется состав сборника. Делается вывод, что весной 1812 г. Батюшков почти окончательно сформировал авторитетный корпус написанных к тому времени стихотворений, а все, в него не вошедшее, для него перестало существовать. Очень вероятно, что, составив свое собрание, поэт постарался уничтожить все тексты, находившиеся в его исключительном распоряжении.

Утверждается, что композиционно сборник составлен, скорее всего, по принципу "дивертисмента" - произвольного чередования стихотворений разных жанров (выделяется ряд композиционно более значимых мест). Делается вывод, что в целом рукописное издание 1812 г., впервые представившее достаточно широкому кругу поэтов и ценителей поэзии лирику Батюшкова как некоторую целостность, давало скорее "моментальную фотографию" поэтической системы на момент составления книги и тем удовлетворяло неоклассическим вкусам петербургских друзей поэта. Стихи, смысл которых коренился в смутном ощущении трагедии эллинизма, принимались читателями собрания за утверждение "светлой античности", приобщиться к которой они жаждали.

3. "Вторая Блудовская тетрадь" (декабрь 1814 – январь 1815 г.).

Сборник составлен, вероятно, в связи с потерей Блудовым "первой" своей тетради. Он имеет важное текстологическое значение (для текстов, не вошедших в "Опыты в стихах и прозе", дает последнюю авторизованную редакцию), но по существу представляется во многих отношениях случайным вследствие случайного и неудачного момента своего составления, когда Батюшков только что приступил к поэтическому осмыслению своей биографии и не имел еще материала, чтобы убедительно выразить его. "Элегия" не успела войти в сборник, а "Странствователь и домосед" приписан позднее (другим почерком и с отдельным шмидтитулом). С другой стороны, круг мыслей, одушевлявших стихи "московского" периода, Батюшковым как раз в это время изживался острее, чем когда-либо. Соответственно и композиция сборника представляется хаотичной. Выводится заключение, что ничего принципиально нового для осмысления батюшковской поэзии в целом "Вторая Блудовская тетрадь" не давала – автор и не стремился к этому.

4. "Опыты в стихах и прозе" (сентябрь 1816 – июль 1817 г.; завершены печатанием в октябре).

4.1. Кратко пересказываются обстоятельства составления и печатания книги, причем обращается внимание на следующие обстоятельства:

4.1.1. Крайняя медлительность Батюшкова в подготовке издания, нарушившая его же собственные первоначальные планы – выпустить вместе том стихов и том прозы. Причины этому видятся в желании "сбыть с рук" все лирические мелочи и в убеждении, что выход в свет собрания сочинений есть "условие с публикой дорожить авторскою славою".

4.1.2. Заочный характер работы над изданием, заставляющий вновь и вновь возвращаться к вопросу о роли Гнедича в его составлении. Высказывается мнение, что эту роль нельзя ни традиционно переоценивать, ни полемически отрицать: Гнедич располагал разными возможностями вмешательства или невмешательства в композицию, и относительно его выбора ничего нельзя утверждать определенно. Соответственно нельзя судить о чьих бы то ни было

намерениях относительно композиции разделов книги (по крайней мере, в деталях), а лишь о результате.

Указывается на особенности распределения текстов по разделам (принадлежащего, несомненно, Батюшкову): элегии отделены от идиллий (последние все отнесены в "Смесь"), а выделение элегий в качестве первого и обширнейшего по числу названий раздела говорит, что автор осознавал себя в этот момент как поэта элегического.

4.2. Осмысяются важнейшие из переделок текстов, осуществленных для "Опытов ...": усечение "Воспоминаний 1807 года" (в "Опытах ..." - "Воспоминание") и "Элегии" 1815 г. (в "Опытах ..." - "Воспоминания"), что имело как этикетный, так и харизматический смысл: средние по размеру элегии стали преобладающими количественно - составили нейтральный фон, на котором тематически важные крупные и экспериментальные короткие отчетливо выделялись.

4.3. Анализируются результаты подписки на "Опыта ...". Отмечается, что число выпущенных экземпляров (приблизительно 270-300), делало издание заведомо безубыточным, т.е. публика сочла издание Батюшкова достойным аванса. Исследуется список подписчиков (183 имени), причем оказывается, что на "Опыта ..." подписался весь литературный круг двух столиц и практически только он. Это означает, что, во-первых, литературная репутация Батюшкова к 1817 г. стала безусловной (чего он сам не понял); во-вторых, что в это время литературный и окололитературный круг в России был достаточно велик, чтобы финансовый успех издания крупного поэта был обеспечен.

4.4. Рассматривается полиграфическая сторона издания. Делается вывод, что оно было не роскошным, а собственно литературным: такое отношение к книге задавали формат, бумага и отчасти шрифт. Делается наблюдение о немецком (в сознании публики 10-х гг.) характере шрифта книги, что противоречило отчетливо "романскому" облику поэзии Батюшкова.

Отмечаются и объясняются также некоторые другие особенности набора. Из отклонений в наборе последних двух страниц книги делается вывод, что лист с **Вологодская областная** **Газета** **«Советская** **Слопечка»**

1348515

ологорская областная
им. неизвестного Долечи
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

тивался. Таким образом, "Беседка муз" была прислана и вставлена в самый последний момент перед сдачей тома стихов в печать (а не в мае, как считалось ранее, и, во всяком случае, не раньше "Умирающего Тасса"). Делается предположение, что слишком тесный набор "Тасса" и слишком просторный "Беседки муз" могли серьезно сдвинуть смысловые акценты тома.

Из анализа расположения шмидтитулов тома стихотворений делается вывод, что "Переход через Рейн" (имеющий отдельный шмидтитул) не входит в "Смесь", а является самостоятельным разделом, и, очевидно, должен был по первоначальному плану завершать книгу.

4.5. Рассматривается смысловая структура "Опытов в стихах и прозе", исходя из расположения текстов.

"Опыты в прозе", составленные преимущественно из статей каменецкого периода, демонстрируют устремления автора к славе и добродетели. Их композицию определяет движение от заданных в начале тем "поэт и язык" ("Речь о влиянии легкой поэзии ..."), "поэт и нравственность" ("Нечто о поэте и поэзии") и "поэт и отечество" ("Вечер у Кантемира") к художественной (в "Гризельде") и теоретической (в статье "О лучших качествах сердца") апологии жертвенной любви, а далее - к обоснованию нравственности вообще ("Нечто о морали, основанной на философии и религии").

Раздел элегий "Опытов в стихах" построен на контрасте тем "старой" и "новой" поэтической систем, заявленном уже в издательском предисловии. Мировоззренческие противоречия двух периодов - стремление к вечности и укорененность во временном - становятся очевидны и нуждаются в разрешении, которое, однако, двойственно, поскольку в иллюзорном мире заключительной элегии ("Мечта") и возвышенные, и эротические темы одинаково иллюзорны. Таким образом, постановка "Мечты" на ключевое место снимает тяжелую для автора проблему автобиографизма его лирики: все недостойное или слишком болезненно переживаемое объявляется "лишь мечтой". Но тем самым и все дорогое поэту превращается из идеологической программы и психологической реальности в

один из элементов элегического мира и, в конечном счете, также становится мечтой.

Возникающая двойственность и оказывается решающей для восприятия собрания в целом. "Послания" вообще почти все относятся к области "легкой поэзии", и постановка в конец раздела послания к Муравьеву-Апостолу - парофраза статьи "Нечто о поэте и поэзии" - не может компенсировать того доминирующего положения, которое уже по одному объему имеют "Мои Пенаты". "Смесь" дивертишментна по самому названию, а ранние стихотворения здесь преобладают. По первоначальному замыслу все противоречия должна была уравновешивать ирония "Странствователя и домоседа", относящаяся к неспособности остановиться на каком-либо одном стремлении, а в последнем стихотворении всей книги - "Переход через Рейн" - утверждался патриотизм как несомненная ценность. В такой композиции "ума и сердца заблужденья" оказываются все же преодоленными. Но реально собрание стихов оказалось завершено "Беседкой муз" - горацианским стихотворением, тематически связанным с "Мечтой", а типографски выделенным аналогично посвящению - манифесту напускного дилетантизма. "Беседка" приобрела черты эпилога, а его горацианство - тематического и идеиного итога книги.

Общий вывод: структура (в частности, типографская структура) "Опытов в стихах" должна была расставить смысловые акценты так, чтобы сделать ясным поворот в тематике и поэтике, произошедший после 1814 г. Но по ряду причин (в том числе технических) этого не получилось. Инерция же восприятия Батюшкова на основе собрания 1812 г. оказалась настолько прочной, что самый факт поворота пришлось открывать заново уже в XX веке.

4.6. Последний вывод подтверждается некоторыми фактами восприятия поэзии Батюшкова после 1817 г. - как широко (трагический случай с элегией П.А.Плетнева "Батюшков из Рима"), так и менее известными (послание к Батюшкову В.В.Капниста, письмо к нему Карамзина от 20 октября 1819 г.).

5. План второго издания "Опытов" (1820-1821).

Этот черновой набросок не дает оснований для внятной интерпретации. К составу издания Батюшков подошел достаточно ме-

ханически, причем перенос "Умирающего Тасса" в раздел элегий не устраниет двойственности композиции первого издания.

В заключение обращается внимание на итоговую самооценку Батюшкова, который не считал "Опыты в стихах и прозе" сочинениями "достойными себя". Следовательно, перед ним стояла не задача преобразования жанровой системы, не задача разработки новых поэтических тем, тем менее - поисков выражения внутреннего мира личности, даже не задача очищения русского языка. Все это были только средства создания образцового крупного произведения. Автор судил себя с точки зрения той цели, которая диктовалась ему литературной ситуацией его юности и которой он не достиг. Вот почему, каковы бы ни были книжные образы батюшковской поэзии для читателя - для самого поэта она осталась несовершенной и незавершенной.

В Заключении кратко формулируются выводы из диссертации. В Приложения вынесены примечания и список использованной литературы (73 названия).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Система элегий К.Н.Батюшкова // Филологические науки. - 1981. - № 5. - С. 24-28 (0,5 а.л.).
2. Опыты на пути к славе // Зорин А.Л., Немзер А.С., Зубков Н.Н. "Свой подвиг совершив ..." - М., 1987. - С. 265-348 (4,5 а.л.).
3. К проблеме генезиса поэтической книги (на материале сборника К.Н.Батюшкова "Опыты в стихах и прозе") // Тезисы 5 конференции молодых ученых и специалистов ВГБИЛ (1988). - М., 1988. - С. 38-42 (0,4 а.л.).

Подп. к печ. 18.11.96 Объем 1,25 п.л. Зак. 318 Тир. 100

Типография МПГУ